

Б. Н. МИРОНОВ

НЕКОТОРЫЕ СХЕМЫ ИСТОРИИ СССР В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Советские историки уделяют большое внимание зарубежной историографии СССР. Пожалуй, ни одна крупная работа западного исследователя, посвященная той или иной проблеме нашей страны, не остается незамеченной и получает оценку в периодической печати СССР. Опубликовано много статей, издан ряд сборников и монографий, освещающих и обобщающих итоги зарубежной историографии в этой области.¹ Однако в большинстве подобных работ внимание сосредоточено чаще всего на отдельных проблемах, освещаемых буржуазными авторами. Между тем для понимания существа и значения принципиальных разногласий между советскими и буржуазными исследователями выяснение общих концепций русской истории особенно важно, поскольку именно концепции, разделяемые авторами, часто и определяют трактовку ими отдельных событий и проблем.

Выявление, сопоставление и всесторонний анализ схем русской истории, господствующих в зарубежной буржуазной исторической литературе, уже по своему объему представляют задачу, выходящую за рамки отдельных статей. Поэтому в данной статье мы ограничимся рассмотрим, во-первых, только послевоенной

¹ См., например: Против фальсификации истории. М., 1959; Критика новейшей буржуазной историографии. М.—Л., 1961; Изучение истории феодальной России в капиталистических странах в послевоенный период. М., 1962; Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962; Шущарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964; Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972; Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968 и др.

англо-американской буржуазной историографии СССР, во-вторых, только выявлением и самой общей оценкой некоторых общих схем.²

С целью определения сущности того или иного направления мы попытаемся в статье выяснить, какие тенденции в историческом развитии СССР представляются его сторонникам главными, каким закономерностям подчиняется исторический процесс в России и какова предлагаемая его периодизация, наконец, на какую методологию опираются авторы анализируемой концепции.

Группировка историков США и Англии по направлениям представляет существенный интерес, но вместе с тем вызывает большие трудности ввиду того, что у ряда авторов нет расхождений в концепции, но наблюдаются разногласия в трактовке отдельных проблем. В основу такой группировки авторов положены принципиальное сходство концепций и общность методологии. Расхождения или сходства в трактовке отдельных проблем во внимание не приняты по двум причинам: во-первых, цель статьи в уяснении общих взглядов, а не интерпретаций конкретных исторических явлений; во-вторых, при общности концепции и методологических принципов отличие в понимании отдельных фактов и событий, а тем более узловых явлений истории, как правило, в подобных случаях не существенно.

Анализ взглядов буржуазных авторов довольно четко, хотя и не безусловно, обнаружил водораздел между ними — принадлежность к разным поколениям историков-русистов. Поэтому, с нашей точки зрения, целесообразно классифицировать общие концепции русской истории также и по признаку поколения, поскольку это позволяет проследить эволюцию, которую прошла англо-американская историография по СССР и России со времени ее зарождения.

Изучение истории России в западноевропейских странах сколько-нибудь основательно началось только после первой мировой войны, и к настоящему времени можно выделить три поколения авторов по данной проблематике: поколение рождения конца XIX—начала XX в., поколения рождения 20—30-х и 40—50-х гг. XX в. Первое поколение в настоящее время занимает еще важное, хотя уже не доминирующее положение в историографии. Однако его влияние и значение быстро уменьшаются. Второе поколение теснит старшее как в чисто количественном отношении, так и в отношении престижа и популярности. Третье поколение еще только выходит на сцену. Речь поэтому в статье идет о первом и втором поколениях историков.

Каждое из поколений историков-русистов воспитывалось в существенно различных социально-экономических и политиче-

² Учтены общие курсы истории России, изданные в послевоенный период в Англии и США, и значительная часть популярных изданий, некоторые общие курсы заканчиваются 1917 г.

ских условиях, в ином философско-идейном «климате». Империализм в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции вступает в 20-е гг. в стадию общего кризиса. Игнорирование, бойкот СССР, надежды на реставрацию в 20—30-е гг. сменяются вынужденным признанием достижений и мощи Советского Союза — в 30—40-е гг. XX в. Позитивизм, эмпиризм, переплетенные с идеографическим и индивидуализирующим методом, в 10—20-е гг. XX в. постепенно уступают место тенденции к теоретизации истории. Эти и многие другие изменения не могли не сказаться и на идейном облике английских и американских историков, изучавших историю России. И хотя реакция на перемены, происходящие в мире, индивидуальна для каждого автора, тем не менее как современники они всегда имеют определенную общность взглядов, которая неизбежно проявляется в их работах.

По нашему мнению, представляется возможным выделить несколько общих концепций русской истории в современной англо-американской буржуазной историографии. Первое поколение: евразийская, циклическая, концепция маятника, «объективистская», «бесконцепционная». Второе поколение: концепция европеизирующей культуры, концепция дуалистической культуры или конфликта двух культур, психологическая. Все концепции имеют как общие, так и особенные черты.

Евразийская концепция русской истории возникла в 20—30-е гг. XX в. в среде русских эмигрантов.³ Особенно большую роль в ее формировании сыграли труды Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, П. О. Якобсона.⁴ В 20—30-е гг. «евразийцы» представляли собой философско-социологическое течение. В значительной мере под влиянием трудов Вернадского евразийская концепция получила распространение в исторической литературе. Наиболее яркое выражение подобная схема нашла в 6-томной истории России Вернадского, а также в сокращенном ее однотомном варианте и других работах этого автора.⁵

³ Mazour A. G. *Modern russian historiography*, 2-d ed. Princeton, 1958, p. 236—241; Utechin S. V. *Russian political thought*. London.—N. Y., 1964, p. 256—261.

⁴ Алексеев Н. Н. *Теория государства*. Париж, 1931; Вернадский Г. В. 1) *Начертание русской истории*. Прага, 1927; 2) *Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени*. Берлин, 1934; 3) *Звенья русской культуры* [б. м.], 1938; Савицкий П. Н. 1) *Географические особенности России*. Прага, 1927; 2) *Россия — особый географический мир*. Прага, 1927; Трубецкой Н. С. 1) *Европа и человечество*. София, 1920; 2) *К проблеме русского самосознания*. Париж, 1931; Якобсон П. О. *К характеристике евразийского союза*. Париж, 1931.

⁵ Vernadsky G. V. 1) *A history of Russia*, vol. 1—6. New Haven—London, 1944—1969; 2) *A history of Russia*. 5-th rev. ed. New Haven, 1961; 3) *Political and diplomatic history of Russia*. Boston, 1936; 4) *The origins of Russia*. Oxford, 1959; 5) *The Russian Revolution*. N. Y., 1929. Евразийскую концепцию разделяют Р. Дж. Кернер и В. Дюранти: Kerner R. J. *The urge to the sea. The course of Russian history*. 2d ed. Berkeley—Los

Сущность евразийской концепции в том виде, какой она имеет в последних работах Вернадского, можно свести к нескольким положениям.

1) Территория, занимаемая Россией (имеется в виду и СССР), составляет некий особый субконтинент Евразию, обладающий особыми географическими (климатическими, почвенными и т. д.) условиями, которые оказали существенное влияние на историю России, в особенности на ее внутреннее устройство и внешнюю политику.

2) Стремление достичь естественных границ субконтинента — стремление к морю — будто бы породило колониационное движение, которое логически и естественно завершилось созданием огромной империи.

3) История России может быть понята только как взаимодействие оседлых славян лесной зоны и урало-алтайских степных кочевников, то есть леса со степью, а русская цивилизация — как синтез древней славянской культуры, обогащенной «византийским наследством», и восточных культур, главным образом таттаро-монгольской.

4) Подвижная граница страны, задачи обороны и колониационное движение сыграли крупную роль в формировании политических, экономических и культурных особенностей русской цивилизации.

5) История России в XVIII—XX вв. представляет собой развитие тенденций, заложенных в старое время.

Нетрудно заметить, что евразийская концепция впитала в себя ряд существенных положений дореволюционной русской историографии, принадлежавших и историкам-западникам и славянофилам: С. М. Соловьеву, Б. Н. Чичерину, В. О. Ключевскому, Н. Я. Данилевскому и другим, — в частности таких положений, как важное значение для истории страны географического фактора, колониационного движения, задач обороны, борьбы леса со степью. Но эти положения в данной концепции усилены и возведены уже в ранг определяющих факторов истории России.

Евразийскую схему в определенной степени отличает полумистическая, полуфатальная вера в предопределенность исторического развития и особую судьбу России, что сближает данную концепцию со славянофильской точкой зрения на ее историю, хотя Вернадский под влиянием критики⁶ в послевоенное время и освободился от мессианистских тенденций евразийства 20-х — 30-х гг.

Методологическая несостоятельность евразийской концепции — в ее геополитическом характере. Географический детерминизм так

Angeles, 1946; Duranty W. USSR. The story of Soviet Russia. London, 1945.

⁶ См., например: Милюков П. Очерки по истории русской культуры, Т. 1, ч. I. Париж, 1937, с. 35—36.

часто и всесторонне подвергался критике и в СССР, и за рубежом,⁷ что нет необходимости подробно останавливаться на этой стороне евразийской схемы. Следствием подобного недостатка концепции явилось умаление роли решающего социально-экономического фактора в русской истории.

Слабая сторона евразийской концепции — отрыв истории России от истории Европы и русской культуры от европейской. Начиная с Киевской поры Россия исторически и культурно принадлежала Европе. Евразийская схема гипертрофирует особенности русского исторического процесса в сравнении с европейским и в результате отрывает историю России от истории Европы.

В пассив евразийской схеме истории России следует отнести также отсутствие классового подхода к анализу исторических явлений и процессов и проводимый ее сторонниками абсолютный детерминизм. Согласно воззрениям евразийцев, все важные исторические события могли совершиться только в том варианте, в котором они произошли, — так, как будто Россия имела свою заранее предопределенную судьбу. Между тем историческая жизнь России, как и любой другой страны, содержит множество разных возможностей — нередко взаимоисключающих, и задача историка состоит в том, чтобы вскрыть эти потенциальные варианты, и объяснить, почему реализовалась та или иная возможность, а не постулировать неизбежность и необходимость свершившегося события.

Одному из самых известных европейских историков наших дней — А. Тойнби, популярности которому доставил десяти томный труд «Исследование истории»,⁸ принадлежит циклическая концепция русской истории.

В самом общем виде концепция А. Тойнби состоит в следующем. Мировая история представляет совокупность равноценных уникальных, но взаимосвязанных и взаимовлияющих цивилизаций. Каждая из них развивается в пределах определенного географического пространства, включая в свою орбиту те или иные народы. Все цивилизации проходят одни и те же фазы развития. В цикличности, повторяемости этих фаз в жизни всех цивилизаций, по Тойнби, заключается главная закономерность истории. Культурно-религиозные особенности составляют главную отличительную черту каждой цивилизации. По мере появления новых цивилизаций человечество приближается к «высшей религии», к более тесному общению с богом. Все цивилизации «посеяны единым сеятелем в надежде на единую жатву». Вся история явля-

⁷ См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. Пер. с франц. М., 1972, с. 17—20; Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, с. 390—392, и др.

⁸ Toynbee A. S. A study of history, vol. I—X. London, 1934—1954. Сокращенное изложение труда Тойнби дает Д. Сомервелл: Somerville D. A study of history by A. S. Toynbee. Abridge of vol. I—VI. London, 1946; vol. VII—X. London, 1957.

ется выполнением некоего божественного плана. Цивилизации порождаются в процессе тяжелых испытаний, обусловленных «вызовом обстоятельств», под которыми А. Тойнби подразумевает отчасти географические условия, но главным образом военные вторжения, рабство, необходимость нанести поражение сильному сопернику, расширить территорию.

Динамика цивилизации, согласно взглядам А. Тойнби, обуславливается деятельностью творческого меньшинства, которое на пути активности обращают великие личности. Деятельность последних происходит по схеме «уход—возвращение», то есть они сначала удаляются от мира и в одиночестве выпашивают свои идеи, а потом возвращаются к людям. Отрицая взгляд О. Шпенглера на цивилизации как на организмы, А. Тойнби утверждает, что цивилизации гибнут не потому, что они стареют, а потому, что происходит падлом в их духовном развитии, в результате которого творческое меньшинство, справлявшееся со всеми «вызовами», вдруг допускает роковую ошибку.

Исходя из общей концепции истории, А. Тойнби формулирует свой взгляд и на историю СССР. Русская цивилизация трактуется им как ветвь, или дочерняя цивилизация, по отношению к православной (Византийской) цивилизации. Начиная с Петра I и до настоящего времени русская цивилизация вследствие европеизации оказалась якобы «сателлитом», или «спутником», западной цивилизации. Подобно другим, русская цивилизация проходит обязательные пять фаз развития: 1) рождение, 2) рост и расцвет, 3) перелом или крушение, «брэйкдаун», 4) упадок или разложение, «дезинтеграция», 5) гибель.

Рождение русской цивилизации, по Тойнби, произошло, впервые, в результате вызова со стороны русской природы, на который «творческое меньшинство», состоявшее из скандинавских язычников, успешно ответило созданием Древнерусского государства; во-вторых, в результате принятия православия из Византии, вследствие чего русская цивилизация стала дочерней по отношению к православной цивилизации. После принятия православия русская цивилизация вступила в фазу роста, которая продолжалась до конца XI в. На этой стадии «творческое меньшинство» русского общества, еще сохранявшее «жизненный порыв», успешно отвечало на «вызовы» внешней среды. Благодаря этому русская цивилизация «самоопределилась» и «раскрыла свою душу». Определяющую особенность цивилизации составляла религиозность.

Кратковременный рост русской цивилизации, считает А. Тойнби, сменился в конце XI в. «переломом». Ввиду того что творческая элита не смогла ответить на вызов (набеги кочевников и сепаратистские стремления отдельных княжеств), произошел распад Киевского государства. «Брэйкдаун» означал падлом в духовном развитии русского общества, вследствие которого элита теряет творческий характер, жизненную силу и превращается

в «правящее меньшинство». С этого времени наблюдается упадок русской цивилизации, лишь ненадолго прерываемый периодами блестящего подъема.

Фаза упадка, согласно концепции А. Тойнби, — самая продолжительная в истории русской, как и всех цивилизаций. Она началась «смутным временем» — татарским игом, а в 1478 г. (год уничтожения зависимости от Золотой Орды) перешла в стадию «универсального государства». На этой второй стадии фазы упадка Россия завоевала себе смежные территории и установила «Московский мир» — Pax Moscoviana. Однако при внешнем процветании упадок русской цивилизации продолжался, несмотря на то что «творческие личности» из среды элиты (Никон, Аввакум, Петр I, Екатерина II, Александр II и другие) — предпринимали отчаянные попытки спасти цивилизацию. Их деятельность в этом плане происходит в трех направлениях. Одни ищут выхода в «архаизме» (возвращение к старине), другие в «футуризме» (прыжки в неизведанное будущее), третьи — в «отрешенности» (уходе от действительности). Но все усилия тщетны — упадок цивилизации продолжается.

С 1881 г. (убийство Александра II), бездоказательно утверждает А. Тойнби, Pax Moscoviana вступает в стадию гибели, которая продолжается по сей день. Гибель цивилизации отсрочивают — на некоторое время, разумеется, — религиозное возрождение и марксизм, который Тойнби называет ... «постхристианской средью». На основе марксизма возникает Советское государство, представляющее, согласно измышлениям А. Тойнби, не новую цивилизацию, а синтез византийских традиций и «вестернистских замыслов», оплот «незападных сил», который якобы ведет борьбу с Западом за главенствующее положение в мире.

Реакционная в своей сущности концепция русской истории Тойнби имеет фантастический, антинаучный характер. За безапелляционное искажение действительности его «Исследование истории» с момента появления первых же томов вызвало острую критику со стороны как советских,⁹ так и зарубежных ученых. «Если бы удалось выбрать из „Исследования истории“ А. Тойнби все факты, относящиеся к России и ее историческому опыту, сопоставить их в хронологической последовательности и внимательно сопоставить с действительными событиями, то в результате получилась бы фантастическая карикатура на русскую историю», — пишет американский буржуазный историк Д. Кларксон.¹⁰

⁹ Араб-Оглы Э. А. К критике культурно-исторической концепции Арнольда Тойнби. — Вестник истории мировой культуры, 1957, № 4; Гольдберг А. Л. История России в кругу «локальных цивилизаций». (Концепция русской истории в трудах А. Тойнби). — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967, с. 177—205; Честноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Горький, 1972, с. 67—108.

¹⁰ Clarkson D. Toynbee on Slavic and Russian history. — The Russian Review, 1956, vol. 15, № 2, p. 165.

Тойнби резко и справедливо критиковали также за полнейшее игнорирование социальных, экономических и демографических факторов, за неясность используемых понятий и нечеткость классификации цивилизаций, за отрыв России от Европы, за априоризм, иррационализм и за искусственность «открытых» им «законов» истории вроде «закона культурной радиации», «закона равновесия сил», «закона компенсации» и т. д., за неразборчивость в пользовании источниками и литературой и за умозрительность бесконечных исторических параллелей, за подгонку биографий всех творческих личностей под единую схему «уход—возвращение», а истории всех цивилизаций под схему «вызов—ответ», за пророчества и откровенный мистицизм, за ипдетерминизм и отрицание общественного прогресса.

«Исследование истории» по своей методологии и своим результатам относится не к науке: труд А. Тойнби — не изучение, не исследование истории, а «творимая легенда». Как справедливо отмечал известный советский историк Е. А. Косминский, «он написал удивительную поэму-мистерию в десяти томах... И может быть, правы те критики, которые видят в Тойнби не историка, а поэта и думают, что его произведение выиграло бы, если бы было написано в стихах, предпочтительно греческих».¹¹

Английский историк Э. Карр выдвинул концепцию русской истории, которую можно назвать концепцией маятника.¹² Согласно этой распространенной среди буржуазных историков Запада схеме, для России будто бы характерно не поступательное, а спазматическое развитие, в результате которого она то движется вперед, то отступает назад, прогресс неизбежно сменяется реакцией, движение идет как бы по замкнутому кругу. Эти много раз повторяющиеся колебания, по мнению Карра и его сторонников, составляют отличительное свойство русской истории.

Первая причина спазматического характера развития России кроется, согласно Карру, в географическом и экономическом факторах: громадной территории, которую русские пытались освоить, суровом климате, неудобном географическом размещении полезных ископаемых. Эти факторы породили вековую, изначальную отсталость, которую Россия постоянно, но безуспешно стремится преодолеть. Перед географическим и экономическим факторами прочие ступшевываются, даже такие, как христианизация, татарское иго и т. д. Вторая причина состоит в амбивалентном (двойственном, противоречивом) отношении России к Западу: восхищение и отрицание, зависть и ненависть характеризуют — по Карру — это отношение. Вместо безоговорочной модернизации страны русские якобы постоянно озабочены вопросом — с Западом

¹¹ Косминский Е. А. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. — В кн.: Против фальсификации истории. М., 1959, с. 67—70.

¹² Сходная концепция была высказана еще в 1919 г. См.: Bullard A. The Russian Pendulum. N. Y., 1919.

или против Запада. Третья причина в том, что все русские реформы происходили сверху, то есть против воли подавляющего большинства населения. Указанные причины постоянно приводили к тому, что все западные и любые другие заимствования трансформировались в русских условиях, приобретая вполне русский характер, что все самые смелые реформы и радикальные революции кончались в России крахом. Традиция и инерция в России фатально побеждают — вот главный тезис концепции Э. Карра.¹³

Концепция Э. Карра возникла из неверного понимания им характера Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Карр считает, что самая радикальная в мире по лозунгам и целям революция 1917 г. не имела якобы объективных предпосылок и потому не внесла будто бы коренных изменений в судьбу России и характер русской культуры. Чем дальше уходила Россия от времени революционного переворота, тем более в ней сказывалась сила традиции и в конце концов преемственность настоящего с прошлым восторжествовали. Ошибочную интерпретацию истории советского общества Карр распространил затем на всю русскую историю.

Поскольку Э. Карр самостоятельно не исследовал дооктябрьский период русской истории и свою концепцию истории СССР в основном построил на искаженном представлении о подлинном развитии советского общества, то анализ этой концепции приходится проводить параллельно с рассмотрением его представлений об Октябрьской революции и социалистическом строительстве в СССР.

Несостоятельна попытка Э. Карра на основе бездоказательного отрицания объективных предпосылок Октябрьской революции отрицать предпосылки всех реформ в России вообще. Заявляя, что социалистическая революция не внесла радикальных перемен в экономику, политику и культуру страны, Карр начисто зачеркивает не только результаты социалистического строительства, но и по аналогии — всех вообще преобразований в истории России. Не сумев оценить значение экономического фактора в строительстве социализма, Э. Карр на первое место выдвигает роль политики и подобным же образом трактует многие события дооктябрьского периода.

Голословно утверждая тезис об отсутствии у большевиков социальной базы и о внеклассовой сущности Советского правительства, Карр по аналогии отрицает или замалчивает социальные корни политики царского правительства и проводимых им реформ. Но отождествление Карром событий советского периода в истории России с событиями предшествующих периодов, в ча-

¹³ Carr E. H. *Socialism in one country, 1924—1926*, vol. I. London, 1964, p. 3—22; Kohn H. *Basic history of modern Russia. Political, cultural and social trends*. N. Y., 1962 (1-st ed.: N. Y., 1957).

стности с преобразованиями Петра I, реформами Александра II, виттевской «индустриализацией» и т. д. — не выдерживает критики. Экономическая политика большевистской партии — не продолжение политики царского правительства, а социалистическая индустриализация не идентична капиталистической (виттевской), так как у них различные цели, источники и социально-классовая сущность.

Для Э. Карра характерен не социальный, а функциональный подход к событиям русской истории и к анализу всех вообще социальных и экономических явлений. Так, планируемая социалистическая экономика и регулируемая капиталистическая экономика, по его мнению, не имеют принципиального различия, поскольку обе преследуют одну и ту же цель — избежать кризисов. Политика советского и царского правительства, по Карру, тоже не различаются радикально, поскольку и та и другая направлены на преодоление экономической отсталости России.¹⁴

Все рассмотренные выше и ряд других положений Э. Карра в значительной степени обусловлены тем, что он методологически неправильно переносит закономерности (которые к тому же им неправильно поняты) одного периода в истории страны на другие периоды без специального анализа и аргументации.

В своей концепции маятника Э. Карр во многом находится под влиянием русской дореволюционной и особенно эмигрантской историографии: его аргументация нередко повторяет положения последней — реформы сверху и противодействие им снизу, зависимость русской историографии от географии, двойственность отношения России к Западу, катастрофичность русского исторического процесса в отличие от поступательности западноевропейского, нестабильность русской социальной структуры, решающая роль государства в русской истории.

Большая часть американских и английских историков, среди которых такие авторы общих курсов истории России, как М. Карпович, В. Кирхнер, А. Мазур, С. Пушкарев, Б. Пэйрс, В. Рязановский, Н. Рязановский, Б. Самнер, А. Спектор, У. Уолш, М. Флоринский, Н. Чировский, Р. Чаркс,¹⁵ не только не имеют никакой

¹⁴ См.: Олегина И. Н. О труде Э. Х. Карра «Социализм в одной стране». (По поводу освещения проблем социалистической индустриализации в книге английского историка). — История СССР, 1963, № 4, с. 188—205.

¹⁵ Karovich M. M. Imperial Russia. 1801—1917. 1-st ed. N. Y. 1946. 2-d ed. N. Y., 1957; Kirchner W. A history of Russia. 2-d ed. N. Y., 1958; Mazour A. G. Russia: tsarist and communist, Princeton, 1962; Pares V. A history of Russia. 5-th ed. London, 1962; Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953; Pushkarev S. G. The emergence of modern Russia. 1801—1917. N. Y., 1963; Riasonovskiy N. V. A history of Russia. 2-d ed. N. Y., 1969; Рязановский Н. Обзор русской культуры, т. 1—2. Нью-Йорк, 1947—1948; Sumner B. H. A short history of Russia. London, 1947; Spector I. An introduction to Russia history and culture. Toronto, 1950; Walsh W. B. Russia and the Soviet Union. A modern history. Ann Arbor, (Mich.), 1958; Florinsky M. T. 1) Russia. A history

собственной концепции, но являются решительными противниками вообще каких бы то ни было схем и законов истории. Их точка зрения состоит в отрицании возможности общей концепции истории. Историков без концепций можно объединить в одну группу историков-«объективистов», так как все они придерживаются той точки зрения, что историей России, как и любой другой страны, правили люди, обстоятельства и случай. «География служит подмостками (сценой) для истории; человек делает историю»,¹⁶ — заявляет Н. Рязановский. «Историей правит Его Величество Случай, история — игра случайного и непредвиденного. Законы причинной связи в истории заменяются возможностью, случаем»,¹⁷ — утверждают Р. Чаркс и М. Флоринский. Еще определенной высказывается С. Пушкарев: «Историю делают не мифические законы исторического развития, как полагал К. Маркс, но живые люди с их эмоциями, страстями, верованиями, предрассудками и т. д.»¹⁸

Категорически отмежевываясь от всяких схем и оценок исторического процесса, историки-«объективисты» полагают, что только таким образом и можно изучать и писать историю, поскольку концепции, по их мнению, всегда субъективны и никогда ничего, кроме предвзятости, в понимание истории не вносят. «В своем изложении я стремлюсь быть совершенно объективным «докладчиком», но не прокурором и не адвокатом исторического прошлого; я не окрашиваю его ни в черный, ни в нежно-розовый цвет; я не стараюсь втиснуть факты истории в рамки какой-либо историософской или социологической схемы, — я даю лишь фактическое изложение исторических событий и описание политического и социального строя в каждом периоде»,¹⁹ — под этим широковещательным, демагогическим заявлением С. Пушкарева, без сомнения, могут подписаться все историки-«объективисты», взгляды которых представляют одну из распространенных разновидностей мнимой беспартийности в буржуазной науке.

В методологическом отношении историков-«объективистов» объединяет плюралистический подход к историческим явлениям. Мно-

and an interpretation. 1-st ed. N. Y., 1947; 6-th ed. Vol. 1—2. N. Y., 1960; 2) Russia. A short history. N. Y., 1965; Chirovsky N. An introduction to Russian history. N. Y., 1967; Charques R. A short history of Russia. London, 1964. К этой группе историков примыкают также популяризаторы: Charnock J. Russia. The Land and the people. London, 1960; Crowson P. A history of the Russian people. London, 1948; Ellison H. J. History of Russia. N. Y., 1969; Erskin D. Russia's story. N. Y., 1946; Jones D. D. Russia: a concise history. Harrisburg, Pennsylvania, 1955; Kucharzewski J. The origins of modern Russia. N. Y., 1948; Lawrence J. W. A history of Russia. N. Y., 1960; A picture history of Russia. 2-d ed. by J. St. Martin. London, 1957; Moscow H. Russia under the czars. N. Y., 1962.

¹⁶ Riasonovsky N. A history of Russia, p. 10.

¹⁷ Charques R. Op. cit., p. 7; Florinsky M. T. Op. cit., v. 1, N. Y.

¹⁸ Pushkarev S. G. The emergence of modern Russia, p. 416.

¹⁹ Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953, с. 6.

гофакторное объяснение событий — их излюбленный метод, мо-низм для них неприемлем из-за своей, как они считают, односто-ронности и примитивности. Однако в трактовке конкретных фак-тов они часто занимают волюнтаристическую позицию, объясняя их предпочтительно свободной волей исторических деятелей.

Общей для историков «бесконцепциального» направления яв-ляется и принятая ими периодизация истории СССР, которую они традиционно делят на следующие периоды: Киевский, Удель-ный (Монгольский), Московский, Императорский, Советский, — а периоды подразделяют на царствования и правления, решительно отказываясь от социально-экономического критерия периодизации.

Историки-«объективисты» иногда по-разному трактуют неко-торые явления русской истории. Например, по мнению одних, в России вовсе не было феодализма; по мнению других, феода-лизм существовал «в недоразвитых формах», по мнению третьих, можно обнаружить лишь отдельные элементы феодализма.²⁰ Одни полагают, что монголы оказали громадное влияние на Русь, дру-гие считают, что влияние монгольского нашествия было значи-тельным, но не решающим.²¹ Петровские реформы были револю-цией — полагают одни, эволюцией — находят другие.²² Европеи-зация глубоко затронула Россию — утверждают одни, только — верхи — другие²³ и т. д.

По-разному оценивают историки «бесконцепциальной» пози-ции достижения русской культуры. Магур, например, подчерки-вает, что в русской истории наблюдается несомненный прогресс, потому что русский народ очень талантлив, а русская культура, заимствуя все лучшее у других народов, непрерывно совершен-ствуется. Русская цивилизация, по его мнению, находится еще на стадии юности, она много дала миру, но еще больше ей предстоит сделать в будущем.²⁴ Идею прогресса русской истории поддержи-вают Лоуренс, Пушкарев, Рязановский, Херкейв, Карпович. По-следний утверждает, например, что русские в XIX в. создали «но-вую цивилизацию, ничем не уступающую европейской».²⁵ Высоко оценивают русскую культуру Пэйрс, Самнер, более сдержанно — Флоринский. Вообще же у большинства историков-«объективис-тов» нет тенденции принизить русскую культуру и русский на-род.

При определенном различии в понимании отдельных проблем русской истории историков «бесконцепциального» направления объединяет то, что они отрицают закономерность хода истории,

²⁰ Florinsky M. Op. cit., p. 108; Feodalism in history. Ed. by R. Coul- born. Princeton, 1956; Kirchner W. Op. cit., p. 46.

²¹ Mazour A. G. Russia..., p. 50—51; Spector I. Op. cit., p. 33.

²² Pares B. Op. cit., p. 254—255.

²³ Riasonovski N. V. Op. cit., p. 502; Florinsky M. Op. cit., p. 1255.

²⁴ Mazour A. G. Russia..., p. 21—22.

²⁵ Karpovich M. M. Op. cit., p. 25—27.

полагая, что все варианты исторических событий равно возможны. Октябрьская революция победила, по могла и не победить. Крепостное право было, по могло и не быть, если бы не нашествие монголов и пр. Однако историки данной ориентации все же поддерживают идею причинности и допускают возможность познания истории.

Отрицая необходимость, закономерность и повторяемость в истории, «объективисты» рассматривают русский исторический процесс как уникальный и неповторимый, в силу чего приходят к отрицанию значения «опыта России», а следовательно и социалистической революции, строительства социализма для других стран. И здесь их взгляды объективно смыкаются с антисоветскими концепциями истории.

Историки-«объективисты» поддерживают многие основополагающие положения русской дореволюционной историографии, по не общие концепции русского исторического процесса. Почти все они признают важность для России византийской культуры, закрепощение и раскрепощение сословий, европеизацию и, как ее следствие — раскол в русском обществе в XVIII—XIX вв., придают большое значение роли церкви и монархии, утверждают возможность и целесообразность в условиях России реформ сверху, пишут об особом месте в русской истории аграрного вопроса, подвижной границы, задач обороны и т. д. Во всем, что касается истории России до начала XX в., они почти ничего не прибавили к идеям дореволюционных русских историков ни в конкретно-историческом, ни в методологическом аспекте. Во многих случаях работы «бесконцепционалистов» являются по существу компиляциями или ухудшенными вариациями дореволюционных трудов русских историков. Ухудшенными потому, что преемники отказались от общих построений своих предшественников, предпочитая пользоваться их частными идеями, отдельными обобщениями и точками зрения на конкретные события, которые в совокупности, будучи взятыми у авторов с разными взглядами, не могли дать новой общей концепции истории России.

Поскольку хронологические рамки дореволюционных трудов русских историков обрываются XIX в., историкам-«объективистам» пришлось отрезок русской истории с конца XIX в. разрабатывать самостоятельно. Здесь у них общего еще больше, чем в трактовке событий, происходивших до 1917 г. Наиболее характерно для всех них следующее. Относясь в целом отрицательно к установлению в России Советской власти, историки-«объективисты» при изложении событий советского периода навязчиво преувеличивают роль политики, отдельных личностей и случайностей. Общим для историков «бесконцепционального» направления является неверное убеждение в том, что построение коммунистического общества — это утопия. Вместе с тем они вынуждены признать огромное значение и успехи социалистической реконструкции России, хотя и пытаются изображать это как результат будто бы свойственной

Советской власти политики припущдения, а развитие советской экономики стремятся объяснить исключительно военными потребностями.

Большая часть историков данной ориентации приходит к выводу о том, что советский строй прочен. «Советский режим достаточно стабилен, нет надежд ни на революцию, ни на серьезную эволюцию», — не без горечи признает, например, Н. Рязановский.²⁶

Общим у историков «бесконцепциального» направления является и то, что во многих явлениях и фактах жизни они видят якобы глубокую преемственность царской и Советской России, объясняя ее «сходством» условий, в которых действовал царизм и приходится действовать Советскому правительству.

Несколько слов необходимо сказать о весьма распространенных взглядах историка-экономиста А. Гершенкрона и его школы, хотя и лидер и его ученики занимаются историей СССР ограниченного отрезка времени — второй половиной XIX—XX в., включая историю советского общества — главным образом под углом зрения индустриализации. А. Гершенкрон пытается механически соединить некоторые неверные идеи историков-позитивистов (в частности, отрицание действия закономерностей в истории России, случайность Октябрьской революции) со столь же неверными идеями «модернизаторов» и идеями Карра (вместе с последним он пессимистически оценивает итоги преобразований, достигнутых в результате Октябрьской революции). А. Гершенкрон пытается также гальванизировать обанкротившиеся идеи Милюкова, Нольде и других русских эмигрантов, согласно которым «успешная мирная модернизация» России якобы могла спасти ее от революции, что не будь модернизация прервана первой мировой войной, Россия стала бы демократической страной наподобие западноевропейских наций и в социально-политическом отношении развивалась бы в том же направлении, что и последние.²⁷ В целом взгляды А. Гершенкрона лежат в русле историков-«объективистов», то есть первого поколения западноевропейских историков-русистов.

Таким образом, историки-«объективисты» остаются в главном на позициях дореволюционной русской историографии, разделяя ее методологию, периодизацию, проблематику и идеи. Шесть десятилетий без малого, прошедшие со времени Октябрьской социалистической революции, не сказались на мировоззрении историков данного направления, словно все эти богатые яркими историческими событиями годы прошли мимо них. Чем это объяснить? Приверженность ведущих историков-«объективистов» к дореволюционной русской историографии объясняется прежде всего от-

²⁶ Riasanovsky N. Op. cit., p. 643.

²⁷ Более подробно см.: Олега И. Н. Капиталистическая и социалистическая индустриализация в трактовке А. Гершенкрона. — История СССР, 1971, № 2, с. 181—202.

рицательным отношением к советскому строю, их классовой позицией. Сказывается возраст, воспитание, образование и происхождение этих историков. Большая часть из них — русские эмигранты рождения конца XIX в., закончившие российские гимназии и университеты, по социальному происхождению выходцы из дворянских, буржуазных и мелкобуржуазных семей. Большинство этих историков получило историческое среднее и высшее образование еще в России, штудировав труды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, С. Ф. Платонова. Необходимо учесть также, что историки-«объективисты» большей частью представляют первое поколение историков-русистов на Западе. В силу этого для всех них, когда они приступили к самостоятельной работе в области русской истории, учителями могли быть только русские дореволюционные историки, так как советских исследователей они не признавали. Надо принять во внимание также недостаточность источниковедческой базы для самостоятельных исследований русской истории, зависимость от фактического материала русской дореволюционной историографии. Ко всему этому следует присоединить и воздействие общего философско-исторического «климата» на Западе в первой трети XX в., когда формировались теоретические взгляды историков-«объективистов», — господство позитивизма и неокантианства, нацеливавших историков на фактографию, на «индивидуализирующее» описание исторических событий.

Под давлением требований, предъявляемых буржуазной исторической наукой отдельным исследователям, историки-«объективисты» не искали новых концепций русской истории и даже отказались от старых, выдвинутых дореволюционной буржуазной историографией. Так историки-«объективисты» превратились в эпигонов дореволюционных русских исследователей.

Во втором поколении англо-американских историков-русистов потомков русских эмигрантов мало. Это поколение отличается большей самостоятельностью мысли, чем первое. По-прежнему считаясь с дореволюционной, но в еще большей степени с эмигрантской русской историографией и заимствуя оттуда некоторые идеи, новое поколение их перерабатывает и выдвигает свои, порою в чем-то своеобразные концепции русской истории. Существенно и то, что первое поколение русистов занималось преимущественно историей России до XX в., а второе сосредоточило свои интересы на событиях XIX—XX вв. Представители второго поколения стремятся изучать источники и советскую историографию, охотно обращаются за помощью к социологии, больше теоретизируют. В этом опутимо сказалась новая тенденция в западной исторической науке, особенно отчетливо проявившаяся в 50—60-е гг. и выражающаяся в повороте от эмпиризма к теоретизации и концептуализации исторического знания.²⁸

²⁸ Ирибаджак Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 30—32.

Обратимся к рассмотрению концепций русской истории, которые выдвинуло — уже в 60—70-е гг. — второе поколение историков-русистов в США и Англии.

Влиятельной концепцией русской истории в современной англо-американской историографии является концепция европеизирующей культуры. Историки, придерживающиеся данной схемы, изображают Россию начиная с XV—XVI вв. как слабо развитую страну, стремящуюся преодолеть свою отсталость усиленной модернизацией. В этой концепции исходным и определяющим являются положения об экономической и культурной отсталости России, о своеобразии ее культуры и стремлении России к сближению с Европой. Однако среди историков этого направления намечилось определенное размежевание.

Одни авторы, не отрицая своеобразия России, считают ее всегда принадлежавшей к европейской цивилизации и главные линии истории похожими на европейские. Так, например, Джон Кларксон считает, что Киевское государство ничем принципиально не отличалось от современных ему европейских государств: ни религией, ни образом жизни, ни политической практикой. Лишь в дальнейшем особенности исторического развития и географии наложили своеобразный отпечаток на русскую цивилизацию, не подорвав тем не менее ее принципиального единства с европейской цивилизацией.²⁹ В России был феодализм, хотя и несколько позже, чем в Европе, и абсолютная монархия, хотя и на другом социально-экономическом базисе, и капитализм, появившийся несколько позже европейского. Это приводит Д. Кларксона к заключению, что европеизация России и при Петре I, и при Александре II означала не переориентацию страны, не перевоплощение, не отказ от основ своей культуры, а лишь модернизацию. Смысл ее — догнать Европу, а не стать Европой. Таким образом, с точки зрения Д. Кларксона, Россия проходит принципиально те же стадии развития, что и Западная Европа, но со сдвигом в 200—400 лет. В этой схеме и социалистическая революция 1917 г. являлась по существу, а не по форме — неизбежной, а большевики только продолжали дело модернизации России.

В изложенной выше схеме русской истории Кларксона наблюдается (не скрываемое автором) влияние взглядов Милокува, считавшего, что Россия отставала от Европы на несколько столетий, но в еще большей степени — двухтомного труда чехословацкого общественно-политического деятеля Т. Г. Масарика «Дух России», написанного еще в 1913 г. (в 1918 г. переведенного на английский язык и переизданного в 1955 г.).³⁰ «Россия — тоже Европа, — писал Т. Масарик. — Поэтому, когда я противопоставляю Россию Европе, я противопоставляю две эпохи. Россия не отли-

²⁹ Clarkson J. D. A history of Russia. 2-d ed. London—N. Y., 1966, p. 6, 37.

³⁰ Masaryk T. G. The spirit of Russia culture. London, 1966, p. XI—XII.

чается существенно от Европы, но Россия однако и не Европа». «Россия то, чем была Европа», — резюмирует он.³¹ Д. Кларксон же «совершенствует» концепцию Масарика, утверждая, что «Россия не буквально шла и повторяла Европу, а в основном».³² В отличие от Т. Масарика он в значительно большей мере подчеркивает своеобразие исторического пути и культуры России.³³

Таким образом, мысль о сходстве стадийного развития Европы и России не только сводится на нет преувеличением отставания России, но по существу извращается: противоречит и законам истории и здравому смыслу положение, что громадная держава повторяла в своем развитии то, что соседние страны прошли 200—400 лет тому назад.

Вторая группа англо-американских историков — сторонников концепции европеизирующейся России — придерживается тезиса об обособленности, замкнутости русской культуры и русского исторического процесса. По утверждаемой ими схеме со времен Киевской Руси, принявшей православие, началось якобы расхождение Европы и России, поскольку православие покоилось во многом на иных основаниях, чем католичество — преобладающая религия Запада: на антиинтеллектуализме, традиционализме, замкнутости (обособленности) и подчиненности церкви государству. Такой раскол, по мнению этих «модернизаторов», в дальнейшем углубился в связи с монгольским нашествием, которое, усилив тенденции, действовавшие в русской цивилизации, породило подчинение личности коллективу. Сформировавшаяся к концу XVI в. русская цивилизация в дальнейшем почти не изменила природы своих принципов. Начавшаяся со времени Ивана Грозного европеизация России, продолжающаяся по сей день, имела, по мнению сторонников данной концепции, единственную цель — усиление экономической и военной мощи страны. Западные идеалы остались чуждыми русским: «модернизация неизменно проходила на старом идеологическом базисе, на традициях православного самодержавия. Когда же царский режим не справился с задачей европеизации России, то закономерно был сметен Социалистической революцией и заменен советским строем, который позволил успешно модернизировать Россию».³⁴ Однако, вследствие того что реформы в истории России якобы всегда имели целью лишь экономическую модернизацию России, европейская духовная культура мало затрагивала русских. Это и обусловило, что в конечном итоге все реформаторы русской действительности не реализовывали в полной мере своих целей — Россия так и не смогла

³¹ Masaryk T. G. The spirit of Russia. Studies in history, literature and philosophy. 2-d ed. Vol. I. London—N. Y., 1955, p. 6.

³² Clarkson J. D. Op. cit., p. 122.

³³ Сходную точку зрения разделяет С. В. Утехин (Utechin S. V. Russian political thought, p. X—XVI).

³⁴ Типичным представителем этой группы историков является Лионел Кочэн. См.: Kochan L. The making of modern Russia. London, 1962, p. 17—18, 92, 112 (в 1970 г. вышло 2-е изд. этой книги).

(вплоть до настоящего времени!) догнать Европу даже в экономическом отношении.³⁵

Словом, Россия фатально обречена оставаться провинциальной страной в Европе. А между тем примеру бедных русских провинциалов последовала почти треть мира, включая такие высокоразвитые страны, как ГДР и Чехословакия. Да и развитые капиталистические страны многому научились и учатся у СССР: запускать спутники, строить мощные гидроэлектростанции и дамбы, планировать развитие экономики и пр., и пр., и даже танцевать (все признают, что советский балет — лучший в мире).

Третья группа историков, поддерживающих концепцию европеизирующейся России утверждает, что русская цивилизация на протяжении своей истории не была якобы ни самостоятельной, ни однородной. До XIII в. ее основу составляло «византийское наследство», в XIII—XVII вв. — татаро-монгольское, в XVIII—XX вв. — западноевропейское. Неоднократно в результате внешнего воздействия происходили радикальные изменения в русской культуре, она переориентировалась. В результате в X—XII вв. Россия представляла собой вариант византийской цивилизации, в XV—XVII вв. — вариант восточного деспотизма, в XVIII—XX вв. вариант европейской цивилизации. По мнению этих историков, о так называемой европеизации России можно говорить с XVIII в., причем только в течение XIX—начала XX в. она была вполне европейской по своему характеру.³⁶

Однако среди только что упомянутой группы историков нет полного единства взглядов. Некоторые авторы считают, что Россия всякий раз перепимала культуру как «готовый порядок, как систему, как чужое достижение», не перерабатывая его и оставаясь глухой к мотивам и движущим силам инородной культуры. Именно этим, по их мнению, объясняется «интеллектуальная тишина» и «слабость творческого начала» у русских. Другие, наоборот, полагают, что русские не копировали, а творчески перерабатывали иноземные образцы, добиваясь высоких достижений в искусстве и литературе. Третьи склонны думать, что в течение XIII—XVII вв. русская культура продолжала оставаться визан-

³⁵ Особенно настойчиво эту мысль проводит Т. Лауэ: Laue T. H. von 1) Witte and the Industrialization of Russia. N. Y., 1963; 2) Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900—1930. N. Y., 1964, p. 220—229. Эта точка зрения прослеживается в следующих изданиях: Nagrave S. Russia: a history. 3-d ed. Chicago—N. Y., 1956; Seton-Watson H. The Russia empire. 1801—1917. Oxford, 1967; Ellison H. J. History of Russia. N. Y., 1964, и др.

³⁶ Guins G. G. Russia's place in world history. — The Russian Review, 1963, vol. 27, № 4, p. 355—368; Mirsky D. P. Russia. A short cultural history. 3-d ed. London, 1952, p. 183—186, 251—253; The development of the USSR. An exchange of views. Ed. by D. W. Treadgold. Washington, 1964, p. 323—370. Дискуссия с участием К. А. Витфогеля, Н. Рязановского, Б. Шпулера, Г. Л. Робертса, М. Шефтеля и М. Раева. См. также дискуссию с участием С. Блэка, Х. Сетон-Уотсона, Н. Рязановского на тему модернизации России: Slavic Review. 1961, vol. 20, № 4, p. 565—598.

тийской по своей природе и что с X по XX в. она только дважды подвергалась коренной ломке.³⁷

Как видим, даже в рамках одной и той же общей схемы русского исторического процесса у различных авторов наблюдаются известные вариации, весьма существенные при истолковании некоторых наиболее важных проблем русской истории. При этом ясно видно как общая концепция влияет на трактовку отдельных сюжетов. Например, по мнению историков, считающих русскую культуру европейской на протяжении всей ее истории, монгольское иго не имело сколько-нибудь существенного значения для судеб России; с точки же зрения авторов, придерживающихся тезиса о троекратной трансформации русской культуры, влияние монгольского ига было огромно; третья группа авторов, утверждающих непрерывность византийской традиции в русской истории — по крайней мере до XVII в., — отводит монгольским элементам в формировании русской культуры важную, но не решающую роль. Точно так же петровские преобразования и реформы 60-х гг. XIX в. первой группе авторов представляются лишь важными, второй и третьей — почти революционными.

В концепции о европеизирующейся культуре России можно отметить некоторые рациональные стороны. При анализе обстоятельств и условий учитываются различные факторы — экономические, географические, политические — что делает анализ многосторонним. Социалистическая революция и социалистическое строительство в СССР рассматриваются авторами этого направления как явления, вызванные исторической необходимостью и отвечающие коренным интересам русского народа, а опыт социалистического строительства в Советском Союзе признается полезным для других, правда главным образом для слаборазвитых стран Азии и Африки. «Влияние русской революции на мир продолжается», — пишет Л. Кочэн. Он же признает, что в планировании, индустриализации, коллективизации и других особенностях советского строя слаборазвитые страны видят путь преодоления своей вековой отсталости.³⁸

Однако наряду с этими моментами в концепции европеизирующейся культуры имеются положения, не соответствующие

³⁷ См. дискуссию: *Slavic Review*, 1961, vol. 20, № 1, p. 1—42. Разновидностью вышеизложенной схемы можно считать концепцию «горизонтальной и вертикальной культуры», поддерживаемую М. Шефтелем и другими американскими историками. Концепцию выдвинул проживающий в ФРГ русский эмигрант В. Вейдле. Сущность ее состоит в том, что в силу коренного отличия исторического процесса в России и Европе русская культура до начала XVII в. была «горизонтальной» (однородной, недифференцированной, примитивной), в то время как европейская культура — «вертикальной» (развитой, сложной, дифференцированной); с XVII в. русская культура стала превращаться в «вертикальную культуру». См. также: Weidle W. *Russia: absent and present*. N. Y., 1961, p. 29—37; Szeftel M. *Some reflections on the particular characteristics of the Russia historical process.* — *The Russian Review*, 1964, vol. 24, № 3, p. 223—237.

³⁸ Кочэн Л. *Op. cit.*, p. 305—306.

историческим фактам: преувеличение отсталости России, недооценка достижений русского народа в искусстве, литературе, политике, науке. Некоторые авторы преувеличивают обособленность России от Европы и своеобразие русской истории, якобы совершенно не похожей на европейскую. Нельзя также согласиться с одним из вариантов данной концепции, согласно которому русская культура не имела самостоятельного характера и развивалась только благодаря заимствованиям из других культур. Европоцентристский характер рассматриваемой концепции обнаруживается и в том, что она рассматривает закономерности русской истории как имеющие значение только для слаборазвитых стран. Так, например, события Великого Октября, именуемые «второй русской революцией 1917 г.», рассматриваются лишь как один из возможных путей преодоления отсталости слаборазвитых стран; Западной же Европе нужны будто бы другие пути для достижения экономического и социального прогресса.³⁹

Схему русской истории, выдвинутую представителем второго поколения русистов Д. Биллингтоном, можно назвать концепцией дуалистической культуры, или концепцией конфликта двух культур. Становление и развитие русской культуры (культуру или цивилизацию этот американский историк рассматривает в социологическом плане как систему ценностей, ориентаций, традиций, представлений) могут быть объяснены тремя факторами: природой, православием и западным влиянием.⁴⁰ Период, предшествовавший возвышению Москвы, автор считает прелюдией, подготовительной фазой для возникновения особой русской культуры. В это время на Руси происходила медленная и внешне незаметная ассимиляция византийского и отчасти монгольского наследия, в результате которой к началу XVI в. возникла новая, оригинальная русская культура. При Иване Грозном она пришла в «травматическое столкновение» с европейской культурой. Причины столкновения двух культур лежали, по мнению Д. Биллингтона, в политических противоречиях России и европейских государств и в принципиальном духовном различии русской и европейской культур. Русская культура была якобы религиозной и пророческой, эстетика доминировала в ней над философией, анархизм над сознательной дисциплиной, мистицизм над рационализмом, молитва заменяла действие и интеллектуальное творчество; на европейскую культуру русские смотрели с подозрением, — заявляет Д. Биллингтон.

Конфликт русской культуры с европейской, перешедший из политической сферы в духовную, из области внешних в область

³⁹ Крупнина Т. Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX—начала XX вв. — История СССР, 1971, № 1, с. 191—205.

⁴⁰ Billington J. H. The icon and axe. An interpretative history of Russia culture. London, 1966, p. II—IV.

внутренних отношений — составил, по Биллингтону, стержень всей дальнейшей русской истории. Этот конфликт породил, по его мнению, Смутное время, раскол и реформы Петра I, просвещенный абсолютизм второй половины XVIII — начала XIX в. и реакцию Александра I и Николая I, либеральные реформы 60-х гг. и реакцию 70-х — 80-х гг. XIX в., «культурный взрыв» и революции первой четверти XX в. Подобным же образом Биллингтон пытается истолковать и социально-политическую жизнь Советской страны.

Особенность живописуемого Д. Биллингтоном конфликта состояла в том, что экономическая отсталость якобы вынуждала Россию вопреки ее враждебному отношению к Западу заимствовать европейскую культуру. Вследствие двойственного отношения к Европе Россия уже в XVII в. раскололась на сторонников и противников европеизации. В отличие от многих западных историков Д. Биллингтон переносит пресловутый внутрисосудский «конфликт» европейской и русской культуры из плоскости «европеизированные верхи — старорусские низы» — в плоскость общенационального конфликта, охватившего всю Россию. Следствием остроты конфликта двух культур явилась напряженность интеллектуальной и социальной жизни русского общества, интенсивность художественно-литературного творчества, особенно начиная с XIX в., в котором на первое место выдвинулись «проклятые вопросы» (мировые проблемы). Напряжение духовной жизни во второй половине XIX в. породило, по Биллингтону, демократический либерализм Милюкова, диалектический материализм Плеханова и мистический идеализм Соловьева. Уравнивая значение столь различных направлений в развитии русской общественной мысли, Биллингтон полагает, что каждое из них предлагало свое равноценное решение проблем, стоявших перед страной в начале XX в.

Сосуществование двух противоположных — русской и европейской — культур в пределах одной страны, в рядах одного класса и даже в отдельной личности было обусловлено, согласно Биллингтону, особенностями усвоения русскими других культур. Он голословно утверждает, что русские усваивали лишь «конечные результаты других цивилизаций, не пройдя подготовительного процесса созревания и внутреннего понимания (других культур, — Б. М.)».⁴¹ Сосуществование русской и европейской культур породило, с точки зрения Д. Биллингтона, глубокую противоречивость и парадоксальность, или, как он выразился, ироничность хода русской истории, откуда вытекает невозможность каких-либо прогнозов относительно будущего России.

Претенциозно назвав свою книгу по истории России «Икона и топор», Д. Биллингтон стремился прежде всего утвердить взгляд о неразрешимой противоречивости русской культуры.

⁴¹ Billington J. H. The icon and axe. An interpretative history of Russia culture, p. 595.

Такое название, по его мнению, должно символизировать два, якобы определяющих, противоположных начала русской культуры: напряженную борьбу талантливой и трудолюбивой русской культуры с тяжелыми испытаниями (природой, внешними и внутренними врагами) и его глубокую веру в свое великое историческое предназначение.

Концепция Д. Биллингтона эклектична, реакционна по своей сущности, не выдерживает научной критики. Д. Биллингтон игнорирует или умаляет влияние среды (в широком смысле слова), в которой происходило формирование русской культуры. Экономические и политические условия, классы и социальные группы, политические и социальные институты остаются вне его анализа. Рассмотрение русской культуры, как процесса исследования и заимствования идей, стилей, представлений других культур — результат недостаточно глубокого знакомства с ее истоками. В концепции дуалистической культуры не нашлось места ни разделению русской культуры на культуру правящего меньшинства и культуру угнетенного большинства, ни народной крестьянской культуре. Культура, о которой говорит Д. Биллингтон, — это культура господствовавших верхов русского общества.

Провозгласив во введении к своему курсу, что три фактора — природа, православие, европеизация — будто бы определили культурное развитие России, Биллингтон уделил преимущественное внимание православию, в меньшей мере европеизации и оставил в стороне влияние географического фактора. В результате ключевыми факторами русской культуры оказались православие и «дефекты византийского наследства».

Концепция конфликта двух культур обходит молчанием и такие коренные явления истории, как феодализм и капитализм. Д. Биллингтон отвел незначительную роль Киевскому периоду в истории России и влиянию монгольского нашествия, а значение надуманного «конфликта» Запад—Восток для динамики русской культуры преувеличил. Заметим, что русскую культуру Д. Биллингтон интерпретирует, почти не выходя за рамки литературы и искусства. Оставив практически в стороне условия, в которых развивалась русская культура, он только описывает события, не давая им обоснований. Обещание Д. Биллингтона во введении курса «соотнести идеологию с экономическими и социальными силами» оказалось невыполненным.

Нельзя согласиться также с антиисторическим и лишенным какого бы то ни было смысла отождествлением советских политических деятелей с феодальными, Московского периода с древним Израилем, идей III Интернационала с идеей третьего Рима, стахановцев с . . . бичующими себя сектантами и т. д. Глубоко символично утверждение Д. Биллингтона, будто поворотной точкой в истории русской культуры, однозначной (!) с Октябрьской революцией, был церковный собор 1667 г., якобы предпринятый последующий ход истории страны.

При оценке взглядов историков-русистов второго поколения обнаруживается их некоторое сходство с представлениями ряда русских историков-эмигрантов. Так, идеи о неразрешимых противоречиях, будто бы имманентно свойственных русской истории, о глубокой религиозности и догматичности русского народа, о его якобы неспособности к самостоятельному творчеству, об исключительной роли мессианистских идей и «византийского наследства» в России, о глубокой преемственности советского строя и царского режима — выдвинуты были уже в трудах Н. Бердяева,⁴² а представления о русской цивилизации как церковной, об Октябрьской революции как якобы «социальной и политической реакции эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России» встречались у Миллюкова и П. Струве.⁴³

В результате активного проникновения в общественно-политические науки социальной психологии на Западе возникла и психологическая концепция русской истории. Ее создатели, как правило, являются не профессиональными историками, а антропологами или психологами (например, Г. Горер, М. Мид, И. Гольдман и др.), они мало связаны с тенденциями, господствующими в историографии и своими взглядами обязаны более социальной антропологии. Авторы психологических концепций русской истории не следует поэтому относить к тем или иным поколениям историков-русистов, а скорее — к антропологам-фрейдистам.

В основе психологической интерпретации истории лежит представление о национальном характере как факторе, оказывающем решающее воздействие как на восприятие и оценку событий, так и на поведение отдельных индивидов и народа в целом. Отсюда следует, что история является производной от национального характера.

О национальном характере русского народа на Западе написано немало.⁴⁴ Как правило, авторы интерпретируют русский национальный характер как совокупность ярко выраженных оригинальных особенностей эмоциональной, интеллектуальной и волевой сферы психики, которые являются типичными для любого русского человека независимо от социальной принадлежности, образования и других факторов. Эти-то общие, присущие будто бы всем русским универсальные черты, по мнению сторонников пси-

⁴² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 152.

⁴³ Струве П. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952, с. 19—20, 192.

⁴⁴ Bill Y. T. The russian people. Chicago, 1959; Gorer G., Rickman G. The people of Great Russia. A psychological study. N. Y., 1950; Miller W. Russians as people. N. Y., 1961; Schubart W. Russian and western man. N. Y., 1950, и др. См. международную библиографию, включающую 988 работ; Duijker H., Prijs N. National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960.

хологической концепции истории, создают национальный характер и составляют основу национальной истории.

Известные в англо-американской литературе исследования русского национального характера можно свести к трем направлениям: социально-географическому, антрополого-психологическому и социально-психологическому.

Пример социально-географического подхода дает М. Рэн. Представители этого направления объясняют национальные черты русских особенностями природной среды, событиями социальной и политической жизни, политическими институтами. Эти характеристики основываются на субъективных впечатлениях, произвольных аналогиях и умозрительных заключениях. Так, основополагающим в «Курсе русской истории» М. Рэна является утверждение об органической связи разных периодов в истории России. Реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, контакты с Европой «не вызвали полной метаморфозы» в русской политической и социальной структуре, и во внутреннем строе России они оставили лишь след. Даже революции 1917 г. по мнению Рэна, не изменили существенным образом русскую культуру.⁴⁵ В чем причины ее стабильности?

Причины эти, с точки зрения М. Рэна, лежат в постоянстве географической среды и национального характера русских. «Жизненное и решающее влияние» географии на историческое развитие русского народа обусловило изолированность России от остального мира, плохое состояние транспорта, колонизацию, постоянные вторжения, экономическую отсталость и т. д. Но географический фактор, считает М. Рэн, действовал не только и не столько сам по себе, сколько через свое влияние на формирование национального характера русских. Последний, однако, сложился под влиянием совокупности географических и социально-политических факторов: недоверчивость, стремление полагаться только на себя, терпение, осторожность и внимательность русских порождены лесом; фатализм, искренность, откровенность, терпимость, русское «авось», склонности колониста и пионера — порождены равниной. Любовь к размышлению, философствованию — следствие длительного зимнего досуга, глубокий реализм — результаты трудности добывания средств существования. Суровый климат породил кооперацию, общественный дух, а они в свою очередь способствовали подчинению личности общественному авторитету, требованиям социальных групп и правительства. Результатом воздействия климата можно считать, по Рэну, несдержанность, неумеренность, переменчивость пастроения, неустойчивость воли.⁴⁶

Несостоятельность психологической концепции русской истории состоит не только и не столько в том, что для объяснения

⁴⁵ Wren M. C. The source of Russian history, N. Y., 1958, p. VII, 278, 423.

⁴⁶ Ibid., p. 1—13, 16—20.

истории России обращаются к национальному характеру ее народа, сколько в поверхностном элементарном характере этого анализа и в преувеличении роли социальной психологии как метода исследования исторических явлений и процессов.

Антрополого-психологическое направление определяет и объясняет национальный характер, исходя из убеждения, что впечатления и «опыты раннего детства» оказывают решающее влияние на психику и сказываются на всей человеческой жизни и что национальная психология имеет свои корни в однообразии этих ранних детских впечатлений. Исходя из этих установок, сторонники данного направления преимущественное внимание уделяют структуре и функциям семьи, способам ухода за детьми, их воспитанию, отношениям между детьми и взрослыми, взрослыми между собой и т. п. В частности русский национальный характер в значительной степени обуславливается, по мнению представителей данной школы, крестьянской практикой пеленания детей вплоть до девятимесячного возраста. Из этого жестокого пеленания (!) выводятся следующие якобы типичные русские черты: 1) склонность прибегать к силе, 2) устраивать заговоры, 3) часто исповедоваться, 4) страх перед врагами, которые не имеют даже четкого определения, 5) анархизм, 6) неприемлемость компромисса, 7) поиск вечной правды, 8) чувство вины.⁴⁷

Как просто, с точки зрения авторов этой «концепции», улучшить характер многомиллионного народа и изменить ход истории СССР! Достаточно научить русских матерей по-другому пеленать детей — и все: русские станут европейцами, русская история пойдет по-американски.

Социально-психологическое направление выводит национальный характер из системы ценностей, представлений и ориентаций, которые господствуют в данном обществе в данный момент.⁴⁸ Его сторонники исходят из убеждения, что «опыты раннего детства» являются решающими для формирования личности, и поэтому уделяют главное внимание социализации ребенка, то есть приобщению его к системе ценностей, представлений данной культуры. На основе установленного ими национального характера представители психологической концепции интерпретируют и конкретные события русской истории, например частые крестьянские волнения, революционные движения, русское искусство и литературу.

Всем перечисленным выше течениям в исследовании русской национальной психики присущи общие методологические просчеты, определяющие в конечном итоге научную бесплодность

⁴⁷ Gorer G. Some aspects of the psychology of the people of Great Russia. — The American Slavic and East European Review, 1949, vol. VIII, № 3, N. Y., p. 155—160; Mead M. What makes the Soviet Character? — Natural History, 1957, vol. LX, № 7.

⁴⁸ Goldman I. Psychiatric interpretation of Russian history. — The American Slavic and East European Review, vol. IX, № 7, 1950, p. 151—161.

выдвинутых концепций: 1) априоризм и как результат этого доминирование дедуктивного метода; 2) отрыв социально-экономического строя общества и его социальной структуры (которые являются в действительности первичными по отношению к системе цепностей, норм и т. д.) от социализации и культуры семьи; 3) преувеличение значения периода раннего детства для формирования личности; 4) перенесение закономерностей образования коллективной психологии в примитивных обществах на развитые общества, имеющие сложную классовую структуру, дифференцированную культуру, что особенно важно для России XIX—начала XX в.; 5) отсутствие массовых эмпирических данных, подтверждающих обобщения насчет национального характера.⁴⁹

Психологическая концепция русской истории имеет сходство с концепцией, сложившейся в среде русской эмиграции в 20—30-х гг. XX в. (лидер — П. И. Бунаков), которую А. Кизеветтер метко назвал концепцией «народ без истории». В соответствии с ней русский дух и национальный характер, сложившиеся в Московском периоде, и затем уже остававшиеся неизменными — главные факторы русской истории.⁵⁰

При оценке психологической концепции истории необходимо иметь в виду следующее. Важность и актуальность проблемы национального характера сознается как зарубежными, так и советскими учеными.⁵¹ Однако до сих пор исследователи не пришли к позитивному решению относительно определения понятия национального характера и детерминирующих его факторов. Не выработана еще научная методология его изучения, не выяснено соотношение в национальном характере постоянных и переменных элементов. Есть исследователи, которые национальный характер считают вообще мифом. Поэтому при неопределенности методологических основ изучения национального характера, объяснения русского исторического процесса, сделанные на этих основах, являются произвольными, субъективными и не могут быть приняты наукой.

Анализ литературы позволяет выделить в современной буржуазной англо-американской историографии много общих концепций истории России. Поэтому можно согласиться с известным американским руссистом М. Шефтелем в том, что «ни одна на-

⁴⁹ Соколов Э. В. Современный неофрейдизм и проблема социального характера. — В кн.: *Философские исследования. — Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*, 1968, т. 365; Eysenck N. Y. *Uses and abuses of psychology*. London, 1953, p. 243.

⁵⁰ Кизеветтер А. Общие построения русской истории в современной литературе. — В кн.: *Исторические силуэты. Люди и события*. Берлин, 1934, с. 266—267.

⁵¹ Арутюнян С. М. *Нация и ее психологический склад*. Краснодар, 1966; Джандильдин Н. *Природа национальной психологии*. Алма-Ата, 1974; Коф И. С. К проблеме национального характера в кн.: *История и психология*. М., 1971, с. 122—158; Королев С. И. *Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов*. М., 1970.

циопальная история не имеет столько интерпретаций, сколько русская». ⁵² Существующие школы можно разделить на две большие группы в зависимости от признания ими закономерности и необходимости в истории, с одной стороны, и самобытности истории России, с другой. Одна группа, придерживающаяся евразийской, циклической, психологической схемы, а также концепции маятника и европеизирующейся культуры, определяет русский исторический процесс как уникальный, органический и весьма отличный от европейского, а русскую культуру как особую цивилизацию, в своих существенных характеристиках не похожую на европейскую. Другая группа, объединяющая историков-«объективистов», рассматривает историю России в контексте европейской истории, а русскую культуру как весьма сходную с европейской. Нетрудно заметить в этой дихотомии продолжение векового спора русских славянофилов и западников.

Концепция русской истории в англо-американской буржуазной историографии различаются не только интерпретацией и аргументацией, но и своими акцентами на той или иной стороне русской истории. Евразийская схема упор делает на движущих силах, на обусловленность истории России ее географией, концепция европеизирующейся культуры — на отсталости России и особенном характере русской культуры, концепция дуалистической культуры — на конфликте двух культур в пределах России. В циклической концепции на первый план выступают повторяемость в русской истории, а в позитивистском подходе, наоборот, — случайности и неповторимость исторических явлений. В центре внимания психологической концепции находятся зависимость истории России от характера ее культуры и модальной (базисной) личности.

Чем вызвано подобное многообразие концепций русской истории? Ответ на этот вопрос следует искать, несомненно, в том, что в современной буржуазной философии и методологии истории господствует субъективный идеализм, который принципиально отвергает возможность формулирования всеобщих исторических законов. «Всякое новое поколение должно заново писать историю своим собственным способом», — заявляет английский философ истории Р. Коллингвуд. — «Всякий новый историк, который не довольствуется тем, чтобы давать ответы на старые вопросы, может ревизовать сами вопросы».

Современные западные философы и вслед за ними историки полагают, что исторический процесс не является объективным, независимым от исследователя. Историки склонны отождествлять историю с историографией: «История является опытом историка, она не создана ни кем другим, кроме историка: писать историю — это единственный способ делать ее», ⁵³ — заявляет американский

⁵² Szeftel M. Op. cit., p. 223—237.

⁵³ Цит. по кн.: Ирибаджак в Н. Уд. лоч., с. 230, 231, 252, 253.

философ М. Д. Оукшот. Словом, нет истории без историка, и сколько историков — столько интерпретаций истории, — вот кредо подавляющего большинства современных буржуазных авторов, особенно тех из них, кто принадлежит к современному поколению историков-русистов. Отражением подобной, субъективно-идеалистической философии истории и является множественность концепций русской истории.

Помимо гносеологических, имеются еще более существенные, социальные корни многообразия интерпретации русского исторического процесса в буржуазной, в частности в англо-американской историографии — наличие антагонистических классов, разных общественно-политических группировок в среде самой буржуазии любого капиталистического государства, между которыми существуют острые противоречия и борьба. Эти группировки и обуславливают наличие разных взглядов как на актуальные проблемы современности, так и на историю.

Наряду с различиями в интерпретациях русской истории, предлагаемых разными направлениями современной англо-американской буржуазной историографии, между ними имеется много общего. Все концепции, проанализированные выше, — идеалистические (кроме евразийской) и немарксистские, хотя некоторые их авторы и испытали определенное влияние марксизма. Немарксистская позиция авторов этих концепций сказалась прежде всего в том, что в созданных ими схемах русской истории не нашлось места учению об общественно-экономических формациях, о классовой борьбе и роли народных масс как движущей силы истории, а также в том, что ее главными движущими силами, творцами истории они признают личности, идеи и политику, придавая экономике либо второстепенное значение, либо ставя ее лишь рядом с другими факторами исторического развития.

Почти все буржуазные историки пытаются доказать, что Советский Союз — наследник худших черт Московского периода, и в этом особенно ярко, как в фокусе, проявляется их отрицательное отношение к социалистическому строю и к советской культуре.

Важное место у всех буржуазных историков, за исключением отдельных исследователей объективистского направления (Рязановский, Пушкирев, Карпович, Мазур), занимает тезис об обособленности, замкнутости России, а отсюда о несхожести пути ее исторического развития с историей Запада, словом, отрыв России от Европы, их противопоставление.

Американские и английские историки, если суммировать наиболее существенные их наблюдения, видят следующие наиболее важные, определяющие особенности исторического процесса в России и русской культуры сравнительно с западноевропейским: (1) большее значение географического фактора в истории

России; (2) характер христианизации населения; православие и «византийское наследие» в России, католицизм и «греко-римское наследие» на Западе; (3) взаимоотношения церкви и государства: в Европе между ними происходила непрерывная борьба за власть, в России их отношения отличала взаимная поддержка и союз, а затем подчиненность церкви и государству; (4) отсутствие в России европейской модели феодализма и капитализма; (5) обширность территории страны, низкая плотность населения и вследствие этого — высокая социальная и географическая подвижность населения, что препятствовало созданию высокой культуры; (6) существование в России уже в XVI в. мощного национального государства с чрезвычайной централизацией, бюрократией и полицейским аппаратом, следствием чего явился «тоталитаризм»; (7) отсутствие в русской истории чего-либо похожего на Ренессанс, Реформацию и контрреформацию; (8) Россия не участвовала в великих географических открытиях, в «научных революциях» XVII в. и XX в., в неполной мере испытала промышленную революцию XVIII—начала XIX в.; (9) господство в России принципа принуждения, подавления отдельной личности, доминирование государственных интересов над индивидуальными, слабость вследствие этого частной личной инициативы; (10) решающая роль государства в историческом развитии России; (11) принцип частной собственности никогда не достигал полного развития.

Полная научная несостоятельность подобного противопоставления России Западу определяется тем, что оно игнорирует принципиальную схожесть социально-экономического развития Европы и России, а на первый план выдвигает менее существенные различия в их истории и культуре. Это противопоставление лишено историчности, поскольку исходит из предпосылки существования в каждом народе каких-то исконных, вечных начал. Но в истории и России и Западе не было ничего неизменного. Отношение России к Европе неоднократно изменялось. Те черты русской культуры, которые объявляются имманентно присущими русскому или западному духу, в лучшем случае можно отнести к отдельным периодам, а не ко всей русской или европейской истории. Абсолютизация характерных особенностей какого-либо отдельного периода приводит к ложным обобщениям, к утверждению трансцендентальных мифических начал как движущих сил исторического процесса.

Анализ общих концепций русской истории в англо-американской историографии показывает, что буржуазные историки, несмотря на то что многие из них пытаются отрицать свою принадлежность к той или иной школе философии и философии истории, несмотря на их стремление порой избежать влияния априорных схем, установок, предрассудков и политики, не в состоянии реализовать свои заявления. Все они оказались под влиянием господствующих тенденций в современной буржуазной

философии истории: субъективизма, релятивизма, идеализма, иррационализма, антиисторизма.

Констатируя теснейшую зависимость англо-американских историков-русистов от господствующих в буржуазной науке доктрин и от политики, следует вместе с тем иметь в виду, что существуют и определенные различия между историками. Откровенно конъюнктурные историки-фальсификаторы беззастенчиво используют материалы исследований для открытой и яростной антисоветской и антимарксистской пропаганды, они откровенно фальсифицируют русскую историю в угоду политическим интересам и вкусу обывателя, которым это выгодно. Например, из факта колонизации, как важного явления русской истории, фальсификаторы делают вывод об агрессивности России.⁵⁴ Если в университетских курсах можно прочесть, что «русское движение на Восток — не „империализм“, не следствие политических амбиций русских политиков, а является в конечном счете просто неизбежной логикой географии России, которая лежит в основе всей ее истории»,⁵⁵ то историки-фальсификаторы говорят о вечном империализме России и уже без кавычек.⁵⁶ Из утверждения о том, что русская культура испытывала влияние других культур, делается вывод о полной несамостоятельности русской истории, о неспособности русских ко всякому творчеству.⁵⁷ Идеалистическое заявление о том, что русские якобы несут в себе мессианистскую идею, то есть верят в то, что «им предназначено объединить весь мир, освободить его от материальной зависимости и дать духовную безопасность и свободу»,⁵⁸ превращается фальсификатором в утверждение о том, что русские активно стремятся завоевать и обратить весь мир в свою веру.⁵⁹ Наблюдение о том, что русские крестьяне были «высоко социальны», стремились к кооперации⁶⁰ — превращаются под пером фальсификатора в положение о том, что русский человек не любит свободу, не обладает инициативой и т. д.⁶¹

Ошибочные, большей частью идеалистические представления многих историков далеко не всегда приобретают значение фальсификации, так как последняя — намеренное, сознательное, корыстное искажение фактов истории. Само собой разумеется, что при

⁵⁴ Baczkowsky W. Russian colonialism: the tsarist and Soviet empires. — In: The idea of colonialism. N. Y., 1958.

⁵⁵ Vernadsky G. A history of Russia, p. 8.

⁵⁶ Halecki O. Imperialism in Slavic and East European History. — American Slavic and East European Review, 1952, vol. XI, N 1, p. 3—4.

⁵⁷ Keller W. East minus West-zero. Russia's debt to the western world. 862—1962. N. Y., 1962.

⁵⁸ Mazour A. G. Russia... p. 19.

⁵⁹ Toumanoff C. Moskow the Third Rome. — The Catholic Historical Review, 1955, vol. XL, № 4.

⁶⁰ Mazour A. G. Russia... p. 20.

⁶¹ Dobriansky L. E. The roots of Russia. — United Naval institute proceedings, 1963, vol. 89, № 4, p. 40—57.

оценке того или иного буржуазного ученого необходимо прежде всего исходить из объективного значения результатов его исследований.

Глубокая аргументированная критика буржуазной историографии России составляет важную задачу советских историков. Эта критика не только защищает марксизм от нападок буржуазных ученых, но служит делу дальнейшего развития исторической науки, так как в борьбе с буржуазными взглядами совершенствуется, оттачивается и марксистское понимание истории.